

18+

Олег Паршев

СОЛНОЧЬ

Книга стихов

Олег Паршев

Солночь. Книга стихов

«Издательские решения»

Паршев О.

Солночь. Книга стихов / О. Паршев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981676-4

Небо лежит над морем, но не даёт тепла. Солнце уходит к югу, тьму сжигая
дотла. Под кораблём 7000 миль неизречённых вод. Некуда бросить якорь.
Нужно идти вперёд. *Избранное (1978—2019)

ISBN 978-5-44-981676-4

© Паршев О.
© Издательские решения

Содержание

Месяц династии Май	6
Выйди навстречу ей	8
Солночь	9
Когда умирают великие люди	10
Ради этих её шагов	11
Быть может	12
До скончания кед	13
Прорастая в весну	14
Путь бороны	15
Ухватившись за гриву индо-кита	16
Девочка на шаре	17
В дубовых перелесках нет дорог	18
Васильковый звон	19
Винни-Пух и слонопотамы	20
Как отыщешь цветок...	22
На прибрежном песке	24
Кому куёшь ты, кузнец Ареса	25
Сентябрызги	26
Скажи, Андре	27
О, как же мы тогда любили	28
Как звёзды осени кружат!	29
Я жарил финики с беконом	30
Летим!	31
Москва – Нью-Дели	32
А ты в Макао	33
Мир вокруг прямолинеен	34
Когда приходит весна	35
Когда нам будет лет по девяносто	36
К Рождеству	37
Ночная ящерица пела	38
Чем пахнет город?	39
Прапрадед пил с утра какао	40
Сочельник (Абсент)	41
Тропою черешен	42
Мне – семь. Я наблюдаю облака...	43
Начальник заставы	44
Звёзды сидят на крыше	45
Игра в блюз	46
Завтра Духов День	47
Мичман Семёнов	48
Не замечая дождя	49
В доме пусто	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Солночь

Книга стихов

Олег Паршев

© Олег Паршев, 2020

ISBN 978-5-4498-1676-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Месяц династии Май

Ты мне пишешь: опять прохудился овин,
А у Зорьки – вот-вот и отёл.
А пастух-снегочёт из династии Мин
Заедает стихами рассол.
А ещё говоришь: у тебя по весне
В огороде цветёт Сингапур,
И тебе вновь придётся в худом шушуне
Разводить кашемировых кур.

А потом слышу я, что малина и вьюн
Пьют sake у тебя на крыльце.
А ночной тракторист из династии Мун
Ловит ветер, меняясь в лице.
А берёза с ольхой затеяли спор —
Кто на свете милей, чем они,
А по небу парит золотой комбайнёр —
Обрывает последние дни.

В общем, всё хорошо. Испечён каравай.
И танцует огонь в очаге.
И царит ясный месяц династии Май,

Держит солнце в поднятой руке...
...А луна вечереет в бокале твоём,
Две печали уснули у ног.
Ты и Космос сидите на кухне вдвоём
И из радуг плетёте венок.

2018

Выйди навстречу ей

Звёздный ход протянулся от сна до зарниц.
Старец Нектарий шёл впереди – нёс иней и снег.
Он один знал тот ветер, который арканил птиц,
А в конце тропы нас ждал ледяной ковчег.
Старец Нектарий открывал врата, у него были коды от всех дверей.
Казалось, ещё пара ночей и мы узнаем свои имена,
Но здесь из дупла одного из засохших календарей
Нам прокричали: Спасайтесь! За тою тьмою рыщет весна!
Мы сомкнули ряды, Нектарий выковал из снега кулак.
У нас не было шансов, нам осталось лишь умереть, сжав топоры.
Но когда впереди показался цветущий сияющий враг,
Мы увидали, что безоружны его миры.

Я прожил там много растущих до самого неба лет.
Нектарий стал молод, одна прекрасная дева нарожала ему детей.
И теперь, когда из моих глаз опадает свет,
Я говорю: Если увидишь весну, выйди навстречу ей.

2018

Солночь

Вот уснуть бы, да невмочь —
Летом в Питере солночь.
Нет, не полночь,
Это – солночь,
Не сомкнуть бессонных оч.
Да, конечно же, очей!
Только ночка всё ярчей,
Тьфу, прости, конечно, ярче,
И уснуть нельзя, хоть плачь ты!
Сколько ж Пушкин тут когда-то
Сэкономил на свече!
Сколь прекрасных стих-ночей,
Наплевав на киловатты,
Без лучин и без лампы
Выдал тут когда-то Блок!..

Всё, довольно – дверь, замок.
Небо млеет и алеет,
Прогуляюсь-ка к Неве я.
Там, я знаю, на ветру
На Аресовом юру,
Ну, на Марсовом на поле
Ходит конь – рассветно блед.
Вон – нашёл... а всадник – мед?
Вот и он – коня похололив,
Отпустив на вольну волю,
Бродит, взором ищет бот.
Неужели уплывёт?

2018

Когда умирают великие люди

Медведь, живущий в дупле, просыпается раньше всех.
Позёвывает, переодевается в утренний мех,
Кричит «Привет!» зяблику и пустельге
И шлёт смайлик-солнышко Бабе Яге.
Потом вылезает и принимается за цигун,
Чтоб за спиной не шептались: Какой неуклюжий шатун!..
«Да, шатун! – ворчит косолапый, – А куда деваться?
Всё она – будь неладна! – реинкарнация...
А когда-то был Чингис-ханом... кажется... или...
Александром... ну этим... как его там?..
Ныне ж иногда ловишь краба по пояс в иле,
А рядом – гиппопотам...»
Тут надо сказать, бегемот и сам иной раз, забываясь, поправляет корону.
Сказывает, был прежде (не врёт ли?) Цезарем и Наполеоном.
Даже малина, что растёт на отшибе, шелестит, что она – Суламифь.
Но медведь с бегемотом не верят, полагают, что это миф.

По вечерам на отмели они пьют файф-о-клоковый сок.
«Скоро, – бурчит медведь, – ты готов?.. новый кванто-бросок».
Гиппопо, улыбаясь, кивает. Лыдинка солнца тает на океанском блюде,
Тени вокруг застыли...
И никто ни о чём не жалеет. Все знают: Когда умирают великие люди,
Перестают умирать простые.

2017

Ради этих её шагов

Когда она села в поезд,
Её встретил проводник по имени Завтра.
Рельсы шли до весны – на Серебряный полюс,
Она везла обед космонавту.
А тот всегда говорил: Благоразумие – путь в никуда.
Она в ответ улыбалась и пекла солнце из его льда.

Когда поезд добрался до Серединных гор,
Проводник молвил: Придётся рубить тоннель.
Как бы не был наш поезд скор,
Но и он может сесть на мель.
Они вышли вдвоём, а машинист бросил все якоря,
И постарался уснуть.
Поскольку, как из капель – моря,
Так из покоя – путь.

Полюс встретил их зеркалами, что спят не закрывая глаз.
Космонавт выронил звёзды, улыбка присела на его уста.
Если б умел, он, верно, пустился в пляс,
А так он просто упал ей под ноги осенней тенью листа.
Встав на колени рядом, она плакала на языке богов.
И космонавт понял, что всю тысячу ри он прошёл ради этих её шагов.

2017

БЫТЬ МОЖЕТ

Простите меня, что врываюсь подчас
В ваш деликатный покой.
Я знаю, что вся вы – в изяществе фраз
И в фимиаме левкой.
У вас за плечами скользит херувим,
Слагая ваш свет на лету.
И каждый, кто прежде был вами любим,
Приколот булавкой к листу.

Но я обхожу вашу тень стороной
По дальней зыбучей заре.
Я знаю, что вы освещаете мной
Снега на своём январе.
Подайте мне знак, укажите мне путь,
Развейте ласкающий мрак.
И впредь мне когда-либо глаз не сомкнуть,
Но это, поверьте, пустяк.

Мне жаль, что я вами давно дорожу,
Что вы – стережёте меня.
Но нет миража, чтоб не вёл к рубежу,
И я, всей душой леденя,
Однажды скажу вам, что прямо сейчас
Разрушу ваш скит на века.
А вы мне тихонечко, не напоказ,
Быть может, кивнёте слегка.

2018

До скончания кед

Мой кузен марсианин
Привёз вино, что перешло через брод триста веков назад.
Сказать по чести, оно походило на камень,
Которым мощёны тропы в Эдемский сад.
И я, непромедля, рассказал про эти сады,
Он слушал, и его бросало то в пламень, то в лёд.
При этом я небрежно заметил, что мы тут с Богом на «Ты»,
А наши предки угнали из рая запретный плот.
И он сказал мне: «Дружище,
Покажи мне все эти места».
И был день, и была пища.
И мы ступили на шаткий настил поста.
Долго ли, коротко ль, но мы шли до скончания кед.
Мешали его вино и мой берёзовый квас.
А однажды, сидя под одной из раскидистых бед,
Мы покрылись птичьими гнёздами, поскольку сад расцвёл внутри нас.

Окончанье пути в этот день не ложилось спать.
Кто-то прыгал по звёздным кочкам, гудел в гобой.
А под утро марсианин, указывая в небо, шепнул мне: «Глядь!..
Это же – мы с тобой».

2017

Прорастая в весну

Когда заснеженная наледь
Творит торосы из теней,
Так хочется халат натянуть.
Да и носки – пошерстений.
Залечь на дно – во мглу дивана,
Взять книгу. Можно не одну.
И тихо прорастать в весну,
Лелея сны апрелемана.
И знать, что хмари выйдут вон,
А следом хвори сгинут в Тартар.
И залучится небосклон,
Смеясь над шутками dell'марта.
И грезить, что наступит мир —
Забьют фонтаны из зениток...

Басё отложен и Шекспир.
Пьют чай Офелия с улиткой.

Огонь, свернувшись в очаге,
Сопит, хвостом укрывшись лисьим.
Зима, любуясь перволистьем,
Уходит в рваненькой пурге.

2017

Путь бороны

Капитан землепашцев завершает дела на земле,
Улетает в кипящий стеклоугольный бетон.
Сверяя маршрут с морщинами на хозяйском челе,
Улыбаясь, машет крылами его птеранослон.
Приземлившись, капитан заходит к соседу – мастеру эдд,
Что теперь пишет оды, размахивая топором в пустоте.
А тот, разрывая в клочья радость прежних побед,
Бурчит, что слово – только одно, остальные не те...

Буря в стакане города к рассвету почти улеглась.
Немного солнца в холодной войне – это ль не повод к переводу часов на язык весны?
Капитан знает: то, что для иных – грязь,
На деле – путь бороны.
И он достаёт бурдюк, разливает в стаканы
Соки земли, в которых – и смех, и плач.
И мастер эдд пьёт с капитаном
За здоровье прекрасных кляч.

2017

Ухватившись за гриву индо-кита

Когда в Индо-Китай уплывают осенние индо-киты,
А солнце астроконечным мечом пишет стихи на морщинах Марса,
Я выдёргиваю луч света из бороды
И ловлю твои сны ржавым пиратским компасом.
Твой дом – у моря, прямо за той горой.
Он затыкает крышей слоёную вечность с её чёрной дырой.
Я выхожу из попутной светлицы —
Шпага, ботфорты, шляпа с пером.
Коты, у которых лица, как птицы,
Прощально мурлычат: Ом-м-м...
И, чтобы начать всё снова – с исписанного листа,
Я уплываю к тебе, ухватившись за гриву индо-кита.

2016

Девочка на шаре

Девочка на шаре,
Силачи и гири.
Флейты и гитары —
Песенка о мире.
Площадь городская;
Небосвод янтарен.
Кто же ты такая,
Девочка на шаре?

Сорок лет куда-то —
Стройными рядами.
Никакого слада
С этими годами.
Ты парила рядом
Звёздочкой небесной.
Где же ты, наяда?
Где ж ты, кентавресса?

Я бродил повсюду —
Полям да бульваром.
Был монахом. Буду
Завтра я корсаром.
Для тебя в котомке —
Расписное сари.
Где ж ты, незнакомка,
Девочка на шаре?

2015

В дубовых перелесках нет дорог

В дубовых перелесках нет дорог.
Тропа в траве натоптана лосями.
Мы на полянке им готовим стог,
Чтоб до весны прожили вместе с нами.
Заимка наша там, где озерцо —
В стране бобров, русалок и осоки,
Где времени незримое кольцо
Сжимает наши боли и тревоги.
И, змейкою шагреневой, беда
Струится, уползая в микрокосмос.
И облака собираются в стада,
И ветры им расчёсывают косы.
А лес преображается в чертог,
Где правит наваждение мирами.
В дубовых перелесках нет дорог.
К чему пути, когда живёшь во храме?

2015

Васильковый звон

Сладкий запах водных лилий,
Благовонье смол,
Белокрыльник в тинном иле,
Сонный богомол.
Дым румяного кипрея,
Васильковый звон.
Тихой флейтой Берендея
Лес заморожен.

Клевер, ландыш, голубика,
Камыши и хвоц.
Шёпот, шорох, тени, блики —
Дальше не пройдёшь.
Изумрудною пылью
Сыплет спелый мох.
Дышит новый день росой.
В каждом вздохе – Бог.

2015

Винни-Пух и слонопотамы

Взметнулись к тучам стаи мух,
Заплакали цикады —
А это гонит Винни-Пух
Слонопотамов стадо.
Он гонит их пастись в луга
Пока не видно троллей.
И он шумит-пыхтит:
«Ага! Вы наедитесь вволю!
Гуляйте в мирной тишине,
Не думая о бедах.
А если что – кричите мне.
Я буду рядом где-то.

Я тут же выну меч и лук.
И побегу с пригорка.
Как Шива, стану многорук —
На горе злобным оркам!
А если вдруг вокруг гроза,
Тайфун или москиты,
Пришельцы, Несси и гюрза —
И те побудут биты.
И не посмеет вас никто
Треножить и арканить,
Поскольку я – гуру дзюдо
И боевой нирваны.
А ваши тучные бока
Дадут мне перья с остью
И мёд, и шерсть, и молока,
И винограда гроздь».

И разбрелись стада окрест.
И шепчет тихо Винни:
«В меду лишь только verum est.
И чуть ещё – в малине».
И сходит на луга покой,
Ветра в округе бродят.
А Винни в зарослях левкой
Играет на фаготе.

2018

Как отыщешь цветок...

– И ты, милый, по воде вилами? —
Смеётся фея ручья – пигалица, а туда же. —
Тут уж всякие были, да с калашными рылами,
Но кончалось всё водевилями.
А ты, мало – без калаша, так и видок не калашный.
Чем только волны не кромсали мне!..
Топоры приносили, дрели.
А всего-то нужен цветок астраленький,
Выращенный свиристелем.
А то важные прилетают, с крыльями,
Да уходят пешком, угасшие.
Не черти по воде ты вилами,
Как отыщешь цветок, покажешь мне...

2018

На прибрежном песке

– И сколько намыл сегодня?
Улыбается: «Сколь не намыл – всё моё».
Ступает по шатким сходням,
Творя из золота хлеб, кормит им воробьёв.
Чудной старик...
И имя у него – то ли Икар, то ли Укор.
По вечерам, нацепив пенсне и парик,
Он чертит на прибрежном песке тысячное «Nevermore».
Конечно, волна слизывает это немедля,
А он только смеётся: «Поеду-ка я, велосипедя,
Навещу внуков». И добавляет, похлопывая нас по плечу,
– «Ребята, в мире нет никакого зла...»

Здесь он сгорает, превращаясь в свечу.

Дальше слышим издалека:
«Это – одна любовь сменяет другую. Всё просто —
Новая красота сметает ту, что была...
А каждый – чуть-чуть апостол».

Лучи, намытые им в речках ветров, летят, и прячутся в облака.

2016

Кому куёшь ты, кузнец Ареса

– Кому куёшь ты, кузнец Ареса,
В ночи мечи?
Кому на горе горит железо
В громах печи?
Какому воинству ты готовишь
Копьё и бронь?
Скажи, каких одарит чудовищ
Твой злой огонь?

Коваль взгляделся в свой молот алый
И жар в печах.
И сокровень затрепетало
В его очах.
Он молвил: ярости вышло вволю
Из этих рук.
Теперь же жажду: пойдёт по полю
Мой ладный плуг.

2015

Сентябрьзги

Твои каблучки на паркете
Отражаются треугольно.
Осень, забывая об этикете,
Входит запросто, беспарольно;
Разливает ветреный сентябрют. И сентябрьзги
Падают то лучами, а то – дождём...
К ноябрю лучи дозреют до виски.
Посидишь тогда со мною на крыше с открытым ртом?..

Прости! Я знаю, шутка вышла не очень...
Сентябритва уже ползёт по закату вниз.
Купол мира сегодня совсем не прочен.
Это – движется сентябриз...

2015

Скажи, Андре

Скажи, Андре – поклонник чести,
Кой чёрт нам выпало вчера
Месить тугую тьму предместий
По кабакам et cetera?..
Что за оказия такая —
Пить замутнённое винцо?
Когда бы можно взять токая?..
Токай же был же налицо!
Нет! Дайте, дайте нам свободы!
(Подайте так же нам sake!)
Мы пили. И магистр Йода
Шёл мимо с бритвою в руке.
Но утро всё же наступило.
Мрак спит устало в конуре.
И всё прошло. И всё так мило.
Я здесь... А где ж mon cher Андре?!

2015

О, как же мы тогда любили

О, как же мы тогда любили:
Ты – серебро, я – преферанс.
Меж нами истончались мили,
Почти не различая нас...
И ты была, как ветер кармы.
И я тобой обуревал.
Сдавали разумы плацдармы.
Любовь рвала из рук штурвал.
Сансарно чайки по-над нами
Кружили. И весна – пьяна —
Швырялась щедро временами.
И отступали времена!
И было счастье так близко
И ждал нас солнечный атолл...

Но ты ушла с саксофонистом.
А я поехал на футбол.

2015

Как звёзды осени кружат!

Как звёзды осени кружат!
На праздный юг не улетаю...
Отряд спасённых негрятят
Спешит в чертоги Дар Валдая.
А Дар Валдай – седой, как дым, —
Острил кинжальный мрак И-Цзина.
И мир воскреснет золотым,
Присягу даст Отцу и Сыну,
И Духу света и добра.

А ведь не дале как вчера,
Ты помнишь: вьюга, снег и сырость...
И канительно мгла носилась,
Мешая бритвами оккам
Печаль, сомнения и виски.
И всё рыдали василиски
По близлежащим кабакам...
И палый лист искал фиесты
И жался жалобно к окну.
И сизый ветер выл в подъездах,
Как Змей Горыныч на луну...

Как звёзды радужно кружат!
Вот-вот и осень залатает
Миры Шалтая и Валдая...

День выжат. День рукопожат.
И тает.

2015

Я жарил финики с беконом

Я жарил финики с беконом.
Ты уезжала навсегда.
Я тёр сыры. И в макароны
Изглазно капала вода.
Или елей. А может, миро.
Ну, словом, всюду было сыро.
Вдали пытели поезда,
Гудели важно пароходы.
О, как же я тебя всегда
Любил все прежние года!
И даже, может быть, и годы!..

Как славны финики с беконом!
Сыр ламинарией солёной
Приправил.
Пробую...
О, да!..

2015

Летим!

Совместно с Любовью Левитиной

Шофёр фуникулёра
Глядит в тоску и скалы.
Рулить сквозь тьму и горы
Рука его устала.
Он помнит путь крылатых
Весёлых парашютов.
И говорит: ребята,
Летим скорей отсюда!
Он нажимает тормоз,
И лик его светлеет.
И ветром полон голос,
И речь полна хорея.
Он говорит: ребята,
Никчёмны разговоры,
Гора и так горбата,
Зачем горбатить гору?
Мир для полёта создан,
К чему тревожить нервы?
Летим к весёлым звёздам!

И улетает первым.

2015

Москва – Нью-Дели

Я вызываю пустоту:
«Ответь! Я здесь! Ну, где ж ты, где ж ты?!».
Цепная полночь бродит между
Неспящих в аэропорту.
Заходит на посадку «Ту».
Луч лунный – точно бандерилья.
Коньяк – не время. Лечит тут же.

...На склоне безмятежной Фуджи
Улитка расправляет крылья —
Летит, смеётся и поёт...

Кидаю месседж для Адели:
«Ах, если б мы тогда смогли
С тобою свидеться в Орли!
И если б мы потом сумели!..».

Но – всё. Пора. Москва – Нью-Дели.

Над хрупким небом Ботичелли
Сегодня с хрустом ходит лёд.

2015

А ты в Макао

В разливах мангровых болот,
Муската, меди и какао
Я ждал тебя. А ты в Макао
В мюрине знойно размокала
В краю неспешных позолот.

А я рыбачил. И на шканцах
Сушил свои протуберанцы,
Носки, сомнения и снасть.
Под вечер, разевая пасть,
Меня желало солнце слопать.
Я пил сётю. Тугая копоть
Мне помогала не упасть.

А ты в наушниковой сальсе
Летела в Венскую весну.
И мчались следом португальцы,
Как маркитанты на войну.

2015

Мир вокруг прямолинеен

Совместно с Любовью Левитиной

Мир вокруг прямолинеен —
Разволжён, разпиренеен.
И экваторно кругла
Рожа друга у стола.
Сядем, друже, и по чаркам
Соки истины плеснём.
Вся в морщинках аватарка
На лице теперь моём.
Да и ты не стал моложе.
Да брада уже седа.
Всё, дружище, переждем!
Борода-то – ерунда!
А беда – когда не сдюжим
Мы глядеть девицам вслед.
Вот тогда, мой славный друже...
Но пока ж такого нет!
Наливай же поскорее!
Сколь же ждать сушёным ртом?
Мир вокруг прямолинеен.
Значит, прямо и пойдём.

2015

Когда приходит весна

Когда приходит весна и тает повсюду снег,
В нашем дворе бродят Гамлет и князь Олег.
Они смеются, спорят и говорят.
А следом ползёт змея, источая яд.
Но принцу и князю вовсе не до неё,
Поскольку весь мир схватился за их копьё.
А они сжимают, держат его вдвоём.
Хотя, по виду оно, как железный лом.
Но мир на нём кружит и кружит, что было сил.
А с тучки слетает ангел – десятикрыл.
Он садится на мой балкон и глядится вниз.
А змея тут же шепчет: Приятель, потише, плиз...
И ангел делает вид, будто не при делах.
Он обрастает шерстью, он весь в репьях.
И бурчит: «Верно, дело-то не моё».
И пишет стихи, и незримых жуков клюёт.
И тогда я кричу: «Скорее!». Мы мчим во двор,
Пока ещё слышен говор и тихий спор.
Но если Змей их настигнет (ох, жала его остры!),
Нам, дорогая, придётся спасать миры.

2015

Когда нам будет лет по девяносто

Когда нам будет лет по девяносто,
Раскрасим хайры в жгучие цвета.
И выйдем в ночь под парусом норд-оста,
Чтоб прогуляться чуточку – до ста.
Ничто на свете нас не остановит!
Призывы правнуков утихнут вдалеке.
Судьба, судьба, ну что ты хмуришь брови?
Мы выйдем в ночь – как прежде – налегке.

В рюкзак закинем пару давних песен
И термос с газированной мечтой.
Наш мир так долго был безлик и тесен,
Пора припомнить, что там – за чертой.
Натянем майки, шорты, сандалеты,
Забудем телефоны на столе.
На что они? Скорей бы в наше лето!
Отлив заждался. Будешь на руле...

За мраком – брод, и выберемся в утро.
Роса нежна. Родная, не грусти!
Гляди-ка, свет над нами златокудрий,
А впереди – замлечные пути!..
Когда-то стукнет нам по девяносто,
И мы всё снова – с чистого листа.
Из дома – прочь! Играючи и просто...
Чуть-чуть пройтись. Как минимум – до ста!

2014

К Рождеству

Вот уж скоро месяц ангелы полощут,
Чистят, отмывают поднебесный свод.
Я гляжу с балкона на фонтан и площадь.
В городе уныло. Сверху так и льёт.
Ни весной, ни летом небо не стирали.
И оно тускнеет, словно серый кит.
К ноябрю – не знаю... Справятся едва ли.
Лишь к зиме, пожалуй, небо заблестит.
Ангелам привычно. Трут себе исправно.
Утром – по фрагменту, ночью целиком.
К вечеру посмотрят – вроде б, вышло славно.
Ну, ещё немножко – звёздным порошком.
К Рождеству, конечно, будет всё в порядке:
Ветры – шелковисты, тучки – завиты.
Разольётся святость, а потом украдкой
Поплывут над нами синие киты.

2014

Ночная ящерица пела

Ночная ящерица пела
О всех пропавших в чужой земле.
Мелело пламя и небо тлело,
И звёзды таяли на столе.
И звуки стыли, и тайна зрела,
И дали ткали рассветный дым.
Парили памяти злые стрелы
Над всем забытым, пережитым.
И мы притихли, и ветры смолкли.
Тонули искры в глазах икон.
Лишь чуть звенели в саду осколки
Разбитых нами цветных времён.

2015

Чем пахнет город?

Чем пахнет город? Гарью стылой,
Шершавой тенью кирпичей,
Кривой улыбкой сытой Сциллы,
Лучом, уснувшим на плече,
Бегущей строчкой дальних тучек,
Озябшей звёздной пылью,
Зимой – дремучей, неминучей,
Весной – упавшей на лицо...
Но сколько б ни перечислял я,
Не рассказать мне никогда
Как пахнут злобой и печалью,
Войною, пеплом, стоном, сталью
Разрушенные города.

2015

Прапрадед пил с утра какао

Прапрадед пил с утра какао,
Вкушал яишню не спеша.
Читал газету. Радикалов
Корил в четыре этажа.
(Они опять призвали к стачке,
А тут – Цусима и позор!..)
Потом адресовал укор
Министрам, дворнику и прачке;
Честил полицию («сатрапы»!),
Сердясь, хватал сюртук и шляпу
И с тростью выходил во двор.
Пора в присутствие!
– Извозчик!
– Да, барин!.. Мигом долетим!
– Какой те барин? Я попроще!..
Давай же, трогай!..

Горький дым
Уже стелился над страной.
Всходило новое. Иное.
Не лёгкий жребий выпал им!..

Сто лет промчалось, даже боле.
И снова слышится: «доколе?».
(У нас особенная статья!)
И дым опять тягуч и едок.
Но спи спокойно, славный предок!
Прорвёмся! Нам не привыкать!..

2015

Сочельник (Абсент)

Ситечко, сахар, абсент. И Вергинский – Пьеро...
Всё, господа, на зеро! —
Все года, города!
Хватит – на красное с белым.
Ставили – не уцелело.
Что ж в этой Сене такая чужая вода?

Крым, толчея, пароход, прокопченный Марсель...
Хмель. Поезда. Бешамель.
И – богемный Париж.
Всё вещала, подобно Кассандре,
Что сбываются сны о Монмартре!
Домечталась, догрезилась... Или ты всё ещё спишь?..

Впрочем, довольно терзаться в скупой тишине;
И при погасшей луне
Ублажать *postalgie*.
Нынче сочельник – морозно.
Между каштанов – берёза.
Ты-то какими ветрами сюда? Расскажи...

Нет, не любила тебя я в минувшей дали.
Нам подавай миндали!
Ах, какие глупцы!
Знаю, тебе одиноко.
Ты подожди-ка, я локон
Выйду, поправлю тебе. Мы с тобой близнецы...

Звуки угасли в «Пате». Рождество на дворе.
Стыло и тут в январе.
Да и ветер жесток.
Год будет снова нещадным.
От «бега» – вот уж десятым...
Мери почти что не плачет. Алеет восток.

2014

Тропою черешен

День, извиваясь, вползает в уставший закат,
В штрихкоде дождя лбом пробивая бреши.
Месяц подставил ладони под звездопад.
Мы спускаемся к морю тропою черешен.
Окликает прохожий леший: нет ли у вас сигарет?
Берёт пару (ещё для знакомой ундины).
Сквозь него можно смотреть на свет
И видеть пиратские бригантины.

Чайки передают эстафету летучим мышам.
Мы идём шуршащей кромкой приборя.
Ты говоришь, что время не разменять по грошам,
А я сегодня – точь-в-точь – молчание гобоя.
– Лучше глянь, – бурчу я, отвечая на твой укор, —
Как свободны море, небо, луна и дождик далёкий.
Их воля чиста, а наша свобода – вздор!
Она похожа на бегущего диплодока.

Мы ж ею машем, словно мечом какой-то древний вестгот.
А нужен экзамен, права, как на вожденье!
Свободен же истинно тот, кто от личных свобод
Откажется без принужденья.
Ты улыбаешься и киваешь... и шепчешь: по этим пескам
Ночью ходит голодная глубоководная сколопендра...
Мы умолкаем. И сосны рассказывают облакам,
Как их прадеды сражались у мыса Тендра.

2015

Мне – семь. Я наблюдаю облака...

Мне – семь. Я наблюдаю облака.
Лежу на крыше на краю вселенной.
Ажурный дым не движется пока.
Небесный свод кипит – румянопенный.
Есть облака – похожи на медуз;
На кружевные юбки балерины.
Куда ж они сегодня держат курс?
К Замбези? На Курилы? В Аргентину?

Там – в облаках – каналы для воды;
По берегам – инжир и шампиньоны.
А может, не каналы, а пруды!
И рыбы в них на триста три вагона.
А вдруг там не пруды, а океан?!
Бегут в волнах пиратские фрегаты?
А если к рифам выведет туман,
То мне на крышу сыплются дукаты.

Но капитаны твёрдою рукой
Ведут суда к затерянным атоллам —
Туда, где только грезится покой,
И никому ходить не надо в школу.
Вокруг меня бурлит волшебный мир.
(Внизу – дома, но я домов не вижу.)
Мне – семь. Сто книг зачитаны до дыр.
Одна – Под головой. Лежу на крыше...

2014

Начальник заставы

Начальник заставы пьёт сумрачный спирт, начиная с шести утра.
На его щеках вырастает в ночь берёзовая кора.
Сбив кору топотом, он берёт автомат и, с мантрою на устах,
Идёт сквозь ветер и дождь посмотреть: как там – на дальних постах?

А на дальних постах, в запретной тиши – три боевых дрозда.
У них в арсенале – плазменный жезл и утренняя звезда.
И врагу не пробраться через заслон, пока дрозды начеку.
Я знаю, я сам когда-то служил с ними в одном полку.

На небе кто-то танцует вальс под скрипку и аккордеон.
Начальник заставы летит во мгле, как золотой грифон.
Солнце к овиди тянет луч – режет глухую тьму.
За тьмою – твой дом. Но дрозды не спят – охраняют мой путь к нему.

2013

Звёзды сидят на крыше

Звёзды сидят на крыше,
шипят на кошек, коготками царапают жёсть,
трутся о трубы, везде оставляя шерсть.
А ещё прыгают вниз и купаются в лужах. Вода,
между тем, холодна.
И, знаешь, эти звёзды уже перегрызли все провода,
что к солнцу идут от земли.
(Помнишь, ещё Алишер Навои
рассказывал нам об этом.)

Спи,
я укрою тебя, связанным из шерсти звёзд, пледом.
И
тут, словно на рикше,
на ветре выезжает луна.
Звёзды, выпрыгивая со дна,
разбегаются кто куда —
окрест.
Начинается настоящий квест.
Или West
Side
Бернстайна.

А я перехожу на декабрьский сайт.
Но пока это – тайна.

2013

Игра в блюз

Утро. Балкон. Сигарета.
Градусов – без пяти двадцать,
Хорошо, что «плюс».
Сентябрь – эпилог лета.
В восточных золотых декорациях
Дождик с ветром играют в блюз.

Сердце – осенним листом —
Кольшется на ветру.

– Только скажи, и сегодня я не умру.
– А потом?
(Иногда и молчанье – страшней пистолета.)
– Ну, мало ль что будет потом...

Ветру всё надоело.
Он
Подобрал стрелы,
Ушёл по крышам, шаркая гэта.
В небе след пеликаний —
Куда-то в Африку или Цейлон.

Льёт, расставляя по стёклам капельки препинаний,
Оставшись без ветра, дождь.
Небо сегодня проточно.

– А вот я знаю точно:
Ты никогда не умрёшь.

2013

Завтра Духов День

Я долго жил в озере. Не помню точно: Байкал или Лох-Несс...
По вечерам на спинах моржей там плавал синий стрекозий лес.
Сверху падала вечность, заплетая в косы окрестные берега.
Каторжники, попавшие в эти края, говорили: о, чёрт!.. И ударялись в бега.

Золотые кувшинки бродили в тени – по густому от света дну.
Притяжение луны было непререкаемым, когда ей казалось, что я тону.
Но я просто жил в озере. В самой утончённой его глубине,
Читая, как теория слуха влияла на пейзажи Моне.

Ночи здесь были, как красный луч светофора, как плаха, что ждёт топора.
И однажды я вышел за двери воды, не дожидаясь утра.
На улицах пело эхо. Тучи по крышам танцевали брейк.
Я просканировал утренний город, как когда-то мыс Горн – Френсис Дрейк.

И тогда ты сказала: завтра Духов День и проводы Костромы.
Небо летом немного горчит, но это – наши дымы.
Ещё несколько дней – и город зальёт дождём, русалки вплывут в подъезд...
Дай мне руку... Держись!.. Скоро ветер сорвёт нас с насиженных мест.

2013

Мичман Семёнов

Мичман Семёнов родился в метель под холодной тигриной звездой.
Он с рождения знал языки певчих трав и тантрических белок-летяг.
Каждый вечер от дальних упырьих болот прилетает к нему козодой,
Чтоб напеть о «священном Байкале» вдвоём, поднимая Андреевский стяг.

Мичман Семёнов давно отыскал тайный путь по структурам воды.
Он с утра курит ветер полярных земель и густой карамельный табак.
По бортам всех своих затонувших судов он растит хризолиты мечты,
Чтобы потом раздавать их за медный пятак или вовсе задаром, за так.

Мичман Семёнов остался живым, став изменчивым, словно Протей.
Он не бросил свой пост, он поднялся со дна, он последним оставил «Варяг».
Он горит, не сгорая, судьбе вопреки посреди наших тёмных идей.
И поёт о замёрзшем в степи ямщике, поднимая Андреевский флаг.

2013

Не замечая дождя

В низких сумерках горят светляки.
За открытыми окнами – мелкий дождь.
Первые капли ловит рука реки;
Ей хочется верить: круги – обручальные кольца, но она знает, что это – ложь.

Дикой тишью пахнет брошенный сад.
Его тропы бредут к воде, а дальше – ко дну.
Раз в год из реки выходят русалки, и по ветвям сидят,
Но, как на грех, именно в этот день нас клонит ко сну.

Сфинксы ив стоят по пояс в воде.
Водомерки ткут им кушаки из опавших листьев и звёзд.
Под корнями – граница миров. И ивы боятся, что между здесь и нигде
Из них выстроят мост.

И ивы молчат, разделяя время на спектр, на инь и янь,
На явь и навь, лучи и тени. И прочие пустяки.
Тропы сбиваются с шага, дождь всё сильнее. Но это неважно, глянь:
В низких сумерках, не замечая дождя, горят светляки.

2014

В доме пусто

В доме пусто. Я один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.